

**Рецензия на книгу:
Пыжиков А.В. Питер – Москва. Схватка
за Россию. М.: Олма Медиа Групп, 2014.
464 с.**

Предыдущая историософская монография А.В. Пыжикова «Грани русского раскола» вызвала значительный интерес профессионального сообщества. Затронутая в ней тема противостояния петербургского и московского предпринимательских кланов нашла продолжение в новой работе автора. Она охватывает период с начала XVIII века до 1917 года.

В первой главе работы («Правящий класс и купеческо-крестьянский капитализм») автор стремится доказать, что существенной чертой высшего российского общества, в корне отличавшей его от европейских элит, было неприятие предпринимательской деятельности (с. 8). Поэтому Петр I, заинтересованный в развитии промышленности, произвел «легализацию раскола» и тем самым вовлек в экономику страны старообрядческие общины (с. 8–9). В результате российский капитализм надолго стал в конфессиональном плане старообрядческим, а в социальном — «крестьянско-купеческим» (с. 23). При этом экономическое развитие, основанное на общности веры, способствовало дальнейшему распространению старообрядчества благодаря вовлечению в него экономически активных элементов из никонианской среды (с. 31).

Центром «крестьянско-купеческого капитализма» (и одновременно старообрядчества) становится Москва. Петербургская бюрократия, наоборот, поддерживает «дворянский и иностранный капитал» (с. 48–49). Между ним и купеческой элитой, обосновавшейся в Москве, разворачивается конкуренция. В качестве примера «крупной схватки» между ними А.В. Пыжиков приводит борьбу Главного общества российских железных дорог (в котором видную роль играли французские финансисты) и Московского товарищества (включавшего «цвет староверческого купечества») за покупку Николаевской железной дороги, развернувшуюся в 1868 году. Ее исход, как полагает автор,

решила поддержка Александром II Главного общества российских железных дорог (с. 49–51).

По мнению А.В. Пыжикова, при этом монархе власти с «недоверием относились к инициативам московского клана», в первую очередь поддерживая деловые начинания дворянской верхушки (с. 58–59). Ситуация изменилась при Александре III, находившемся под влиянием «политических групп, получивших наименование русской партии». К ней автор в числе прочих причисляет В.П. Мещерского, М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, И.К. Бабста, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина (с. 64). Лидеры московской буржуазии получили от нее политическую поддержку. Апогеем «купеческого влияния» стала отставка Н.Х. Бунге, чья политика вызывала недовольство «капиталистов из народа и их друзей из русской партии» (с. 71).

Во второй главе А.В. Пыжиков рассматривает отношение купеческой элиты к проблеме ограничения самодержавия в начале XX века. По мнению автора, в это время само российское руководство, включая Николая II, склонялось к преобразованию абсолютной монархии в конституционную (с. 86). В русле концепции В.В. Леонтовича А.В. Пыжиков считает, что подлинно либеральные идеи в это время вызревали не столько в общественных кругах, сколько в недрах высшей бюрократии (с. 87). При этом ее целью было повышение инвестиционной привлекательности страны, стремление к рынкам международного капитала. На взгляд рецензента, это утверждение является спорным. Значительный приток инвестиций (преимущественно французских) начался в Россию еще при консерваторе Александре III, что было связано с военно-политическим сближением России и Франции.

Как полагает А.В. Пыжиков, «невиданный приток иностранных инвестиций застал купеческую элиту врасплох» (с. 101). Теперь перспективы развития страны соотносились ее руководством «не с народными капиталистами, а с иностранным капиталом» (с. 103). Это вызвало недовольство купечества. Прежняя «верноподданническая модель поведения» была исчерпана. Купеческая Москва наладила отношения с оппозиционными силами, полностью размежевавшись со славянофильскими кругами, которые до этого «в течение десятилетий политически обслуживали капиталистов из народа» (с. 108).

Эта логическая конструкция А.В. Пыжикова представляется уязвимой. Переход старообрядческой Москвы в оппозицию к властям легче объяснить конфликтом московского купечества с генерал-губернатором Сергеем Александровичем, чем недовольством «капиталистов из народа» притоком иностранных инвестиций. С другой стороны, мысль о том, что активная поддержка местного купечества способствовала тому, что размах революционной борьбы достиг наибольшего накала именно в Москве, представляется весьма интересной. Это утверждение А.В. Пыжиков подкрепил рядом фактов взаимодействия московских купцов с революционерами, почерпнутых им из архивных документов, включая протокол допроса фабриканта Н.П. Шмита после боев на Пресне в декабре 1905 года (с. 126–130).

В третьей главе автор рассматривает конфликты между «чиновничье-банковским Петербургом» и «московскими интересами» в период между революцией 1905–1907 годов и началом Первой мировой войны. Особое внимание он уделяет борьбе вокруг создания на базе синдиката «Продамет» металлургического треста. Против этой инициативы выступили депутаты от октябристов (А.И. Гучков, В.П. Каменский, Я.Г. Гололобов) и кадетов (В.А. Караулов, Н.Н. Щепкин), Московский биржевой комитет во главе с Г.А. Крестовниковым. При этом противники треста «позиционировали себя яростными защитниками уральской горной индустрии», поскольку, по мнению А.В. Пыжикова, «московская буржуазия имела свои виды на Урал» (с. 154–158).

Для более активного вовлечения ресурсов Урала в экономику страны большое значение имела постройка железной дороги из этого региона в центр России. Как пишет А.В. Пыжиков, конкурировали два основных проекта, подготовленные петербургской и московской деловыми элитами. Первый предполагал маршрут «Екатеринбург – Казань», второй «Екатеринбург – Нижний Новгород». И вновь победа досталась петербургскому проекту, который поддержал председатель совета министров В.Н. Коковцов (с. 163–166).

Отметим, что его отставка во многом была связана с интригами А.В. Кривошеина. Факты, приводимые А.В. Пыжиковым, придают борьбе А.В. Кривошеина против В.Н. Коковцова дополнительный смысл. Исследователь обращает внимание на то, что А.В. Кривошеин был женат на внучке Т.С. Морозова, «слыл своим в кругах московской купеческой элиты, водил дружбу с С.Т. Морозовым и С.И. Мамонтовым» (с. 201–203).

Четвертая глава монографии посвящена времени Первой мировой войны. Начавшаяся война, отмечает А.В. Пыжиков, актуализировала тему «вражеского, точнее, немецкого засилья во всех областях российской жизни». Теперь московская буржуазия могла открыто повести атаку «на своего давнего конкурента — немецкий бизнес, тесно связанный с петербургскими придворными, правительственными и банковскими кругами» (с. 208).

Частью этого наступления стала попытка москвичей завладеть Русским торгово-промышленным банком Петрограда. Сначала значительный пакет его акций приобрела группа Рябушинских. Но Министерство финансов помешало полному переходу этого учреждения в руки москвичей. Тогда они стали действовать через подставное лицо — Карла Ярошинского, который решил вовлечь в дело брата царя — Михаила. А.В. Пыжиков ввел в научный оборот интереснейший документ — письмо Н.С. Брасовой великому князю Михаилу Александровичу, в котором та расхваливала Ярошинского и убеждала своего мужа войти в будущее руководство Русского торгово-промышленного банка (с. 396–401).

В русле противостояния «Москва – Петроград» А.В. Пыжиков рассматривает и вопрос о секвестре Путиловского завода, находившегося под контролем Русско-Азиатского банка (с. 219–224). Эту акцию осуществил военный

министр А.А. Поливанов, связанный с политиком-либералом московского происхождения А.И. Гучковым. Однако активным участником атаки на Путиловский завод был и кадет А.И. Шингарев, не имевший отношения к купеческой Москве. Этот пример показывает, что сводить все конфликты этого периода к борьбе Петербурга и Москвы значит сильно упрощать сложную картину исторической реальности. И, разумеется, рассматривая историю Путиловского завода в годы Первой мировой войны, нельзя было игнорировать недавнее фундаментальное исследование В.В. Поликарпова [1].

Последним витком противостояния буржуазии Москвы и Петрограда А.В. Пыжиков называет время после Февральской революции 1917 года. Ключевую роль в свержении Николая II, по мнению автора, сыграли купеческие верхи (с. 279). Они стремились привести к власти великого князя Михаила Александровича, через свою супругу Н.С. Брасову связанного с купеческой Москвой (с. 280–281). Крушение монархии привело к власти Временное правительство, в первом составе которого видную роль играли либеральные политики-москвичи. Они находились в «тесном взаимодействии с революционными силами, учредившими Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов» (с. 283–287). Через него Временное правительство стремилось манипулировать народными массами, вводя в нужное русло революционную стихию.

Однако функция политических помощников Временного правительства очень скоро перестала удовлетворять лидеров Совета. Они захотели играть самостоятельную политическую роль и попытались установить контроль над армией. Из-за этого началась борьба между Временным правительством и Петроградским советом. А.И. Гучков и П.Н. Милюков не могли согласиться с претензиями советских деятелей. Уход этих политиков из Временного правительства «ознаменовал распад политической модели, сформированной в Москве». В борьбу за «контрольный пакет власти» включился еще один самостоятельный игрок в лице российских социалистов (с. 314).

Чтобы вернуть контроль над армией, «москвичи» поддержали создание Союза офицеров. А.В. Пыжиков обращает внимание, что на его съезд прибыли видные деятели партии кадетов — П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев, а также октябрист С.И. Шидловский (с. 309–310).

Тем временем «петербургский деловой мир» перешел от «пассивного наблюдения к усилению своих пошатнувшихся позиций» (с. 316). Петроградская банковская элита (в лице Путилова — Стахеева — Батолина) установила контакт с одним из ключевых членов Временного правительства — Н.В. Некрасовым (с. 323). Прелюдией к их тесному взаимодействию стали выгодные контракты, дарованные банкирам Министерством путей сообщения, которое возглавлял Некрасов (с. 394). Еще одним союзником «питерских финансистов» становится А.И. Гучков, который дал им ударную силу в лице генерала Л.Г. Корнилова (с. 409).

«Корниловской эпопее» посвящена заключительная глава книги. В ее начале А.В. Пыжиков высказывает мысль о том, что союз Л.Г. Корнилова с петроградской финансовой элитой налачился в течение апреля 1917 года «при посредничестве Гучкова» (с. 417). Однако введенные в научный оборот материалы показывают, что А.И. Путилов установил связь с Корниловым через В.С. Завойко [подробнее см.: 4; 5; 6]. Вопрос об отношениях В.С. Завойко и А.И. Гучкова требует дополнительного изучения.

Впрочем, А.В. Пыжиков видит Л.Г. Корнилова не орудием петроградских банков, а самостоятельной политической фигурой. Став главковерхом и имея прочные договоренности с «петроградской буржуазной группой», генерал в августе 1917 года обратился к «московским кругам» (с. 425). Однако Корнилову не удалось преодолеть давнее соперничество «питерского и московского буржуазных кланов». Неудачная попытка Корнилова объединить их стремления обернулась для него самого политическим провалом (с. 448).

Принимая в целом логику А.В. Пыжикова, следует отметить, что такая мощная сила, как партия кадетов, в его исследовании выступает как орудие московского купечества. С этим, разумеется, нельзя согласиться (подробнее об отношениях конституционных демократов и буржуазии см.: [2; 3]). В целом, однако, свежие, хотя и не бесспорные идеи, содержащиеся в рецензируемой книге, несомненно, пойдут на пользу развитию отечественной историографии.

Литература

1. *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. 552 с.
2. *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. 227 с.
3. *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6. С. 118–130.
4. *Селезнев Ф.А.* «В государственном управлении вся сила и залог успеха именно в плане и системе его осуществления»: Из показаний ординарца генерала Л.Г. Корнилова прапорщика В.С. Завойко. 1917 г. // Исторический архив. 2011. № 4. С. 115–139.
5. *Селезнев Ф.А.* Окружение генерала Л.Г. Корнилова в апреле – мае 1917 г. (к биографии В.С. Завойко) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 2. С. 15–25.
6. *Селезнев Ф.А.* «Революционное оборончество» как идеология окружения генерала Л.Г. Корнилова (апрель – август 1917 г.) // Journal of Modern Russian History and Historiography, 2014. Volume 7. Issue 1. P. 52–63.

Literatura

1. *Polikarpov V.V.* Ot Czusimy' k Fevralyu. Czarizm i voennaya promy'shlennost' v nachale XX veka. M.: Indrik, 2008. 552 s.
2. *Seleznev F.A.* Konstitucionny'e demokraty' i burzhuaziya (1905–1917 gg.). Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2006. 227 s.

3. *Seleznev F.A.* Konstitucionny'e demokraty' i predprinimateli v 1917 godu // Otechestvennaya istoriya. 2007. № 6. S. 118–130.

4. *Seleznev F.A.* «V gosudarstvennom upravlenii vsya sila i zalog uspeha imenno v plane i sisteme ego osushhestvleniya»: Iz pokazanij ordinarcza generala L.G. Kornilova praporshhika V.S. Zavojko. 1917 g. // Istoricheskij arxiv. 2011. № 4. S. 115–139.

5. *Seleznev F.A.* Okruzhenie generala L.G. Kornilova v aprele – mae 1917 g. (k biografii V.S. Zavojko) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2014. № 2. S. 15–25.

6. *Seleznev F.A.* «Revolucionnoe oboronchestvo» kak ideologiya okruzheniya generala L.G. Kornilova (aprel' – avgust 1917 g.) // Journal of Modern Russian History and Historiography, 2014. Volume 7 / Issue 1. P. 52–63.

Ф.А. Селезнев